

УДК 808.26-541.2

В.И. Сенкевич

д-р филол. наук, проф.,

проф. каф. белорусского и русского языков с методикой преподавания

Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

КОНЦЕПТ ПОЛЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА

В контексте прагматической теории исследуется релевантность концепта поля в речевой деятельности. Понятие информационного поля противопоставляется представлению о коммуникативном пространстве языка. Доказывается необходимость отказаться от распространенного взгляда на язык как систему знаков и важнейшее средство человеческого общения. Культивирование знаковой природы языка приводит к образованию симулятивных знаний и схоластической грамматики, в которой повсеместно господствует форма и анализ. При таком подходе живое слово и действенная речь в науке о языке не ставятся во главу угла. В статье намечаются концептуальные контуры создания реальной (оказиональной) и канонической (номинальной) лингвистики, исходя из феноменологической теории и теории речевых актов. В названной лингвистике язык не определяется как семиотическое коммуникативное средство, а понимается и трактуется в качестве базовой культурной институции и главного идеологического института, обеспечивающего культурный рост и способствующего происходящим социальным переменам. Институциональный подход к языку открывает перспективы описания имманентных культурологических аспектов, регламентированных обычаями носителей языка, и прокладывает путь к исследованию трансцендентальных моментов, связанных с конструированием институциональной реальности правовыми субъектами.

Смерть и жизнь – во власти языка (Притч. 18, 21)

Введение

Поле – концепт имманентно-этического мироощущения. Им культивируется интуитивное восприятие подобного и не-подобного (иного). С отмеченным ощущением связывается осмысление добра и зла. Подобие реально. Абсолютное подобие трактуется как тождество.

На трансцендентальном этическом уровне реальное подобие как градуированная величина сменяется номинальной скалярной (*scalaris* – ступенчатый) величиной – тождеством, ср.: *градус* и *ступень*). На смену полю как концепту культуры приходит идеологическая категория, именуемая классом. С названной категорией связывается идея единого. Антитеза подобного и единого отмечается в следующих парах: уровень и ступень, рост и развитие, индивидуальное и личное, реальное и номинальное, словесное и именованное, душевное и духовное. Концептуализация реальности и категоризация мира не обходится без антитезы поля и класса.

Понятие поля заимствовано в гуманитарные науки из физики – теорий электрического и магнитного полей. Известно, что дефиниция названного понятия выработалась в трудах Фарадея, Максвелла и Герца. Позже концепт поля позаимствовали социологи, психологи и философы. Как «мысленное, духовное поле» понимает «реальную» философию Мераб Мамардашвили. Когда нечто «помыслено» (уловлена какая-то мысль), то оно истинно для всех, так как «философское поле у всех философов одно. Они просто по-разному, приходя к разным выводам из разных посылок и допущений, эксплицируют то, что мы назвали реальной философией» [1, с. 54].

Понятие поля находит опытное применение в гештальт-терапии [2, с. 175–215]. Не обходится без идеи поля и лингвокультурология – говорится об «информационном поле», «поле языковой культуры», «полевом подходе к исследованию языка». Концепт

поля вносит в гуманитарные науки фундаментальную парадигму и открывает перспективу исследования культуры восприятия мира человеком. При полевом подходе не выясняется, каким образом и почему что-то существует, однако ставится жизненный вопрос: «Как человек укоренен в жизненной реальности?». непонимание модусов укоренения человеческих индивидов в жизнь и способов вписания людей в мир их бытия приводит к симуляции (означиванию) того, что не допускает знака, но допускает осмысливание и понимание через эмблему и символ. В результате человек оказывается отчужденным от культурной среды, а личность не позиционирует себя в институциональной социальной реальности.

1. Поле культуры и описательная грамматика

1.1. Релевантность концепта поля для культуры бесспорна. Культура и понимается в связи возделыванием поля. Глагол *культивировать* и его дериваты описывают и называют культуру земледелия: *посевные культуры, культурный пласт почвы* и т.п. Мотив поля варьируется в фольклорной русской и белорусской песенной культуре: рус. «*Полюшко, поле...*», «*Поле, русское поле...*», «*Во поле березонька стояла*», «*В чистом поле, поле под ракитой...*», «*Было в солдата два поли...*»; бел. «*Ой, у полі тры крынічанькі...*», «*Ой, у полі, полі бяроза стаяла...*», «*Ці я ў полі не калінка расла...*» и т.п. [3].

Информационное поле как категория культуры противопоставляется представлению о внешнем, механически упорядоченном коммуникативном пространстве. Подмена одного другим приводит к симулятивному искажению сущности языка. Само по себе в термине *симуляция* в его исконном смысле нет ничего предосудительного. Симуляции – понятие постмодернизма, «фиксирующее тотальную семиотизацию (означивание) бытия вплоть до обретения знаковой сферой статуса единственной и самодостаточной реальности» («замена реального знаками реального») [4, с. 901]. Платон термином *симуляция* (*simulo*) называл любое изображение, картинку. Позже симуляцией называли всякий семиотический знак. В отличие от символа, знак не имеет отношения к идее и к реальности. Знак обозначает не саму реалию, а соответствующий ей образ – видимое отражение, имеющее значение, но лишенное всякого здравого смысла.

Симуляция – это создание видимости для того, чего нет на самом деле. Другими словами, это притворство. Притворяться – значит делать какой-либо вид с целью обмануть. Можно притвориться больным, можно притвориться (показать себя) мертвым. Практически всем можно притвориться, кроме одного. Нельзя притвориться живым и здоровым. Бытие непритворно. Яблоня – это просто яблоня; она не может притвориться, что она груша. Человек же может притворяться, кем хочет. Симуляция – это определение и представление знаком того, что не может быть определено и представлено. Все может быть определено, кроме того, что не все. Это «не все», т.е. то, что находится между всего прочего и пребывает среди всех остальных, и есть бытие в его реальной и номинальной ипостаси. Оно и ускользает из тотально знакового языка, стремящегося все обозначить, всему придать форму, даже тому, сущность чего субстанциональна.

1.2. В 70-е годы XX в. профессор А.П. Журавлев с непониманием высказывался о том, сколько еще школа и вузы будут учить учеников и студентов разбирать слова и предложения, заниматься разного рода анализами [5, с. 53]. Это мертвое знание и не связанное с реальным опытом, никому не нужное умение. Это не реальное языковедение, а схоластика – знания, оторванные от фактов жизни и происходящих событий. В этих знаниях нет ни грамма позитива и конструктивности. Их просто нет. Они утопичны.

Язык, в котором присутствует только общее и который определяется как система знаков, – реализованная утопия. Его не только фактически не найти ни в каких координатах, но он нигде и никогда не пребывает; он не причастен к бытию (не факт – не осуществляется) и не позиционирует себя как событие – не происходит. В нем отчуждена собственность – он общий, а значит ничей.

Именно частную собственность Томас Мор рассматривал как главную причину всех социальных бедствий. Во второй части его книги речь идет о небывалом, идеальном обществе, где нет частной и личной собственности, где все принадлежит всем¹. Такая же картина и в общенародном литературном языке – важнейшем средстве человеческого общения. Грамматика этого языка – это описание идеального грамматического строя; она представляет собой разновидность полезного утопического знания. Элемент утопичности и идеализации, в принципе, заложен во всяком знании. Все познается в сравнении – по отношению к чему-то другому. Отношение – это пропорция, т.е. равенство или неравенство тел. Однако самого по себе равенства в реальности нет. В природе все индивидуализировано. Реально только подобие. На дереве нет двух равных листочков, подобных же – сколько угодно. Все можно познать в сравнении, кроме одного, – несравненного. Его нельзя сравнить, однако оно допускает уподобление.

Если мы сравниваем несравнимое и приписываем реальности несвойственные ей признаки, – это симуляция. Так, описательная грамматика утверждает, что глагол *умереть* имеет форму совершенного вида: – *Что сделал Иван?* – *Умер*. Однако Иван положительно ничего не делал. Его смерть – реальный факт, не принадлежащий миру причины и следствия. Какая грамматическая основа в предложении *Я тебя люблю?* – задает формальный вопрос описательная грамматика. Однако, во-первых, это не предложение, а высказывание. Предложение – «общее место», а высказывание индивидуализировано: оно непременно «чье»-высказывание. Во-вторых, его нельзя разбирать, т.е. анализировать. Однако оно допускает актуальное членение и инверсию: *Я тебя люблю – Я тебя люблю – Я тебя люблю; Тебя люблю я – Люблю я тебя*. Эта формула рассчитана не на знание, а на веру. Здесь ничего не утверждается и не отрицается, а, скорее, открывается сердце любимому человеку.

Аналитическая грамматика знает одни разборы и пытается разделить все на ряды. Например, сказуемое делится на простое и составное. В свою очередь, составное сказуемое делится на глагольное и именное и т.д. «Преобладание анализа, – пишет Н.Ф. Федоров, – связано с подсознательным и сознательным согласием на смерть. Сама смерть – главный и радикальный анализатор» [6, с. 16]. Все можно поделить, кроме одного, – неделимого (т.е. индивидуального, «чьего»). Склонность всё разложить по полочкам, дать всему характеристику, является, по всей видимости, пагубным последствием реализованной утопии под названием «социализм». «Социализм – обман, – пишет Н.Ф. Федоров; – родством, братством он называет товарищество людей, чуждых друг другу, связанных только внешними выгодами» [6, с. 41].

Вероятно, не существует более симулятивного и чуждого живому языку вузовского предмета, как «*Лингвистический анализ текста*». Анализ не совместим с текстом. Слово *текст* переводится как «ткань». Ткань бывает живая (органическая); ее суррогат – синтетическая ткань. Аналитической ткани не бывает. Текст – категория синтетическая. Текст – «чей».

¹ «Весьма полезная, а также и занимательная, поистине золотая книжечка о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» (1516).

Поэтический текст не допускает анализа. Разве в строке «Я вас любил...» поэт сообщает читателю о своей любви? Здесь нет сообщения и, следовательно, свойства коммуникативности. Поэзия сугубо информативна; пробуждает эмоции и будит мысль. Поэт ничего никому не сообщает. Он оживляет (воскресает) в памяти то, что «угасло не совсем». Читатель знакомится с еще не угасшей любовью, ставшей поэтическим воспоминанием, соприкасается с интимной, не всем доступной виртуальной реальностью.

Лингвистика XIX в. начиная с В. фон Гумбольдта трактовала язык общения с его коммуникативной функцией как язык посторонний. Этого языка нет во внутреннем локусе «здесь», т.к. посторонним вход «сюда» воспрещен. Он всегда «там» – за горизонтом актуальности. Сущность языка в осмыслении мира и в независимом от общения становлении мысли. Вот гумбольдтовская формула: «Вовсе не касаясь нужды общения между людьми, язык был бы необходимым обстоятельством мышления для человека даже при всегдашнем его одиночестве» [7, с. 51].

В 1927 г. в предисловии к «Философии имени» выдающийся русский философ А.Ф. Лосев написал: «Приходится поражаться той безграмотностью, наивностью и пошлостью, которой полны всевозможные лингвистические курсы, все эти традиционные «Введения в языковедение» [8, с. 615]. Выход, как думает философ, в феноменологическом учении Гуссерля, которое и должно стать методологической базой реального языкознания.

Реально то, что мы переживаем в феноменальном опыте, т.е. ощущаем. Язык есть культурная институция («лоно культуры») и идеологический институт («дом бытия») (по Хайдеггеру). Выступая культурной институцией, язык комбинирует и легитимизирует индивидуальную реальность говорящих. Это его этическая интерактивная сущность. Будучи идеологическим институтом, язык конструирует и удостоверяет социальную реальность актантов речи. Это его эмическая трансактивная суть. Благодаря языку человек в жизни выступает в качестве великого комбинатора и не лишен шанса стать гениальным конструктором.

Язык есть путь нахождения (локализации) себя как индивида между всего прочего и способ позиционирования собственной личности (персоны) среди других. Житие «мое» и бытие «наше» – локализуется «между» и дислоцируется «среди». Оно есть внутренняя область и интимная зона – областное (узвальное) и зональное (каноническое). Все остальное, на что направлено предметное по природе сознание, – не «мое» и не «наше». Его нет, но оно может казаться привлекательным и располагающим, примерным и успешным. Оно увлекает, однако не притягивает, располагает, однако не принимает. Оно дает пример, однако за ним обычно не следуют и за образец не принимают. Оно хорошее или плохое, однако доброго и злого в нем нет. Тем не менее большинство самоубийственно живет и замечательно себя чувствует в мире, которого нет, и с успехом пользуется таким же небытийным общим языком.

2. Информативное поле и коммуникативное пространство языка

2.1. В отличие от поля, пространство не обладает главным качеством субстанции – протяженностью. Пространство не протянуто «от... и до...», но простирается вдаль. Сторона – основная характеристика пространства. Поле осматривается боковым зрением, т.е. косвенно, или смотрится «в упор». С отмеченными способами восприятия связаны антитеза горизонтальной ориентации и вертикальной организации поля. Говорится о *поле культуры* и выделяется *идеологическое поле* (ср.: *поле брани*).

Полю также не известно направление. Прагматическую релевантность здесь обретает ориентация. Найденные ориентиры и установленные вехи распознают и идентифицируют происходящее и осуществляющееся в нем, порождая ощущение годности «тутэйшых» и вселяя веру в тех, кто «вышел в люди». Благодаря культурному полю человек обладает генетической памятью, пребывая в поле идеологии, люди становятся вмняемыми. Гарантией годности и воли для крестьянина, занятого сельским хозяйством, всегда был «кут»: *Купіць зямлю, прыдбаць свой кут, Каб з панскіх выпутацца пунт, І там зажыць сабе нанова...* (Якуб Колас). Гарантом достоинства личности, по идее, должен выступать институт государства.

Поле не знает внешних границ, однако ему знакомы межи и пределы – смежность и сопредельность.

В математике пространство определяется как множество элементов. Элементы множества имеют положение – располагаются в определенных отношениях друг с другом, однако между собой не соприкасаются и никак не связаны. Пространственные отношения – равенство или неравенство. Пространство разделяет и сближает – дает представление об отдельном и общем, о соответствии и несоответствии, т.е. о форме.

Пространственная близость и разобщенность представляется в семантической оппозиции «своего» и «чужого». Пространство является внешним условием общения и общности. Однако пространство непроницаемо – два тела не могут вместе занимать одну и ту же его часть (аксиома непроницаемости пространства). С пространством не связано понятие субстанциональной целостности – неделимости (атом, индивид). Реальное бытие внепространственно.

Для сближения в пространстве прилагаются механические усилия – причинение. Однако нельзя причинить то, что находится в феноменальном поле культуры, то, что просто есть (ср. пол. *samo* – «*bez widocznej przyczyny*»). Именно к бытийному «есть» и причастна философия. «Философия начинается с удивления», – говорил М. Мамардашвили своим студентам. Но это не удивление тому, что чего-то нет, – нет справедливости, нет мира, нет любви. Это удивление тому, что есть [1, с. 70].

В самом деле, нет причин для любви, – а она есть. Невозможно причинить совесть, – а она есть. Степень возможности в пространстве не то, что доля вероятности в поле. Все может быть, кроме одного, – того, что с необходимостью (законно) есть или того, что допускает контурную (концептуальную) вероятность бытия. «Бытие свидетельствует только о том, что *оно есть*; меньше, беднее ничего нельзя сказать о предмете, как то, что он есть» [9, с. 150].

В феноменальном мире ничего не существует в определенной форме. Оно есть актуально (само по себе) или потенциально (в себе). Сказать о нем – значит лишить его бытия, перебросить в коммуникативное пространство. Мартин Хайдеггер создал учение о Бытии как о неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. То, что находятся в феноменальном или ноуменальном поле бытия, не определяется как «такое» и как «это». Однако оно непременно выступает, как что-нибудь известное (славное чем-то) или что-то знакомое до мельчайших подробностей тем, кто к нему причастен или с ним актуально соприкасается.

В поле бытия не бывает бывшего и бывшего. Ср. пол.: *Co było, a nie jest, nie pisze się w rejestr*. «Было» – это практика, но не опыт; это история, но не легенда. Причастно бытию архаическое: не старое, однако древнее, давнее. Пережитое никуда не девается; оно способно многократно быть воскрешенным в памяти. Все, что было и прошло

(«быльем поросло»), не достойно памяти. О происходящем ходят слухи и рождаются легенды. О бывшем-бывалом сочиняют мифы, утопии, сказки, плетут сплетни.

2.1.1. Славянская культура – ведическая (от глагола *ведать*). *Знать* для ума, *ведать* – для души. Сравним: «Я знаю...» – я имею знание, но: «Мне известно...» – я владею информацией. Знание предметно и результативно: знать *что*. Информация – поток (процесс). Здесь нет «что», однако непременно проявляется позитивное «как»: «Как известно... Как мне известно». Парадокс в том, что можно ничего не знать, однако быть осведомленным – причастным к актуальной информации, знакомым с чем-кем-то. Этимон *vest находим в культурно релевантных понятиях *благовест* (колокол), *совесть*, *навестить*, *невеста*, *вещать*, *буревестник* и т.п.

Парадокс также в том, что захотеть знать – не значит ощутить информационный голод и потянуться к свету. Знание привлекательно, однако оно лишено внутреннего притяжения (магнетизма), проявляющегося в информационном поле культуры. Парадоксально и то, что культура известна как область проявления невежества. «Это похоже на парадокс, – пишет Вальтер Кохан, профессор философии образования Университета Рио де Жанейро (Аргентина). – Относительно того, что мы знаем, мы нуждаемся, чтобы не знать это. Поскольку чем больше мы знаем, тем меньше думаем. Чем меньше мы знаем, тем больше мы задумываемся» [10, с. 12].

Культура есть уход от видимости знания во внутреннюю (интимную) область. Ухаживание (а не забота!) есть позитивное проявление культуры. Язык как феномен культуры зародился в период ухаживания и возник как модус проявления жизненных предпочтений, а не потому что «люди захотели что-то сказать друг другу» (Ф. Энгельс). В исконном состоянии язык феноменален.

Феномены поля культуры мотивированы нуждой выживания, а не страстями и внешними потребностями. Культура есть очеловечивание дикой и чуждой человеку природы. «Pojęcie “natura” wywodzi się z terminu nasci. Wyraz ten określa to, co wzrosło, co powstało samo z siebie, bez naszego udziału, to, co pozostawiliśmy jego własnemu rozwojowi. Wówczas jest to coś czysto “naturalnego”. Kultura natomiast stanowi ogół tego, co “pielęgniemy”. ...Płody kultury to te, które człowiek pielęgnuje, którym w przeciwieństwie do płodów natury nie pozwala na swobodny rozwój» [11, с. 25].

Язык – поприще человеческой культуры; язык «есть орган внутреннего бытия, само это бытие, находящееся в процессе внутреннего самопознания и проявления» (В. фон Гумбольдт). Язык – неотъемлемый локус человека: «Язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа» (Мартин Хайдеггер).

Локальный язык как культурная институция (идиолект, говор, диалект) – верительная грамота человека среди всего прочего. Язык, ставший наречием, – пароль людей, позиционирующих себя среди других. Есть язык контакта и язык единения людей, язык знакомых с делом и язык, посвященных в деятельность. Ему противопоставлена альтернатива – другой язык, определяемый как универсальное средство общения. Этот язык не принадлежит эксклюзивным социумам (братствам, «узищам») и инклюзивным институтам (государствам), а обслуживает социально дифференцированное общество.

2.1.2. «В XX в., – пишет Дж. Серл, – философы научились с величайшей осторожностью задавать вопросы в форме “Что такое...?”. “Что такое истина?”, “Что такое справедливость?”... Не спрашивайте, что такое истина, а спросите, в каких обстоятельствах мы говорим, что высказывание истинно» [12, с. 7]. В мире бытия не бывает случаев, когда надо «братъ быка за рога» и спрашивать «Что такое...», требуя при этом ответа по форме «Истина – это...», «Любовь – это...».

В «таком» нет позитивного «как» – качества. Только в актуально воспринимаемом поле культуры проявляется этическое «как»: *«И надо было видеть, как смотрела на него (Высоцкого) Марина Влади, когда он пел. Тоже чудо. То истинное восхищение Женщины, без которого всё, что мы делаем, бездушно, бессмысленно, – мертвит»* [13, с. 18].

Поле культуры лишено всякой рефлексии – оно пассивно-консервативное. «Культура – деятельность и способы деятельности, не являющиеся рефлексорными» (Алфред Луис Кребер, США, XX в.). Человек в какой-либо культуре обладает индивидуальной («моей») долей («Доля моя, доля!»), укоренен и живет в ней как в собственной предпосылке. В поле культуры проходят культурные акции, в идеологическом поле осуществляются институциональные акты, сменяющие актуальные гражданские состояния.

Производственно-потребительские отношения по форме «спрос – предложение» культуре не свойственны. Здесь ничего не спрашивают, однако нередко вопрошают про себя: *«Часто сижу я и думаю, как мне тебя называть, Добрую, славную милую, как мне тебя величать...»* (из песни). Вопрос снимается вещным по существу названием. Звать – не вопрос, зовут другие. Вопрос – как величать. Название-величание всегда «чье», рассчитано на эмоциональный отклик. Оно не предполагает обращения, однако несет в себе апелляцию. Обратиться – «не вопрос», обратиться может каждый. Вопрос, как найти контакт с кем-чем-л., познакомиться.

В коммуникативном «сказать» присутствует выбор. Где выбор, там и сомнение. В сомнениях человек теряет веру и руководствуется нелюбовью. В выборе не бывает интимной локализации под названием «Между». В поле не выбирают, но ищут и отдают предпочтение.

Поле культуры дескриптивное и концептуальное. То, что находится здесь, как-то проявляется или выдает себя. Оно замечается, к нему приклеивается этикетка (дескриптивная аппликация). В качестве этикетки применяется *метка* как замечание инаковому – тому, чем по обычаю не подобает заниматься. Оказиональный мир «без замечаний» с его святым «Ничего» и есть подлинное поле культуры, просветленное здравым смыслом. Оно было бы безмолвным, если бы не «болячки», для преодоления которых и вызвано к жизни Слово как орган власти над всем, что «не так», что чуждо живому человеческому существу. Поле культуры допускает нежесткие концептуальные контуры. В идеологическом поле концептуализация сменяется императивной категоризацией, сопряженной с феноменологической редукцией. Робкое имманентное «как бы» культуры сменяется краткостью и кротостью – составляющими духовно-идеологической сферы, из которой элиминированы вещные культурные феномены. Рыба как эмблема первичного христианского мира с его милосердием и благодатью сменяется кротким голубем – символом нисходящего Святого Духа. Дескриптивные эмблемы культуры (название, этикетка, наклейка, «мянушка») сменяются символическими номинативно-правовыми ярлыками; их формулы навешивают разум на феноменальный человеческий опыт.

Древние атомисты (Левкипп и Демокрит) видели в пространстве пустоту («пустое пространство»). Платон отождествлял пространство с внесущим видимым миром. Кант анализировал пространство как форму всех внешних чувственных явлений. По Канту, пространство – это формальное свойство отражения внешнего мира, благодаря чему только и возможны наши внешние наглядные представления. М. Хайдеггер считает, что пространство при определенных условиях имеет общее со всем, что существует как подручное [14]. То, что находится в поле культуры, локализовано «около»

и осмысливается как обстоятельство (ср.: бел. *акалічнасць*) жизни. Формула жизни: «Я есмь Я и мои обстоятельства» (Х. Ортега, «Размышления о “Дон Кихоте”»).

Современная психология устанавливает, что пространство как таковое никогда нам не дано; оно постоянно наполнено множеством систем отношений, к которым относятся различные предметы (интеллигибельный мир). Для отношений, совокупность которых может быть обозначена как пространство, характерна правильность, однако система отношений не выразительна и не транспарентна (не прозрачна).

Крупный немецкий гештальт-психолог Вольфганг Метцгер отмечает: «Кроме возможности быть заполненным, пространство не имеет никакого другого свойства; если же абстрагироваться от установления отдельного места и его наполнения, оно есть пустое и мертвое ничто» [14]. В отличие от пространства, поле не бывает пустым и наполненным. Поле находят вольным от всего, и даже пафосно-праздным: «*Лишь паутины тонкий волос блестит на праздной борозде*»; «*И льется чистая и теплая лазурь // На отдыхающее поле...*» (Ф. Тютчев). Святое место – вольное. Из него убрано все, что может иметь значение, однако не обладает смыслом. Священное место – праздное. Пословица *Свято место пусто не бывает* коррелирует с сентенцией *Природа не терпит пустоты*. Пустота для культуры – пустыня, полнота – плен и тьма. Сравним: «*Духовной жаждою томим, в пустыне мрачной я влачился...*» (А.С. Пушкин); *Глас вопиющего в пустыне*. Пустая душа – антипод культуры. Душа – «вакуумная упаковка» очеловеченной реальности, где не должно быть «пустых слов» и «пустых обещаний». Не должно быть, но бывает.

У слова *праздный* один этимон со словом *порожний*. Однако праздник – категория трансцендентальная. В культуре, как и в жизни, отмечается не священное (праздное), но то, что свято (вольное). «*А бывает ли он в жизни праздник-то?*» – *риторически вопрошает Егор Прокудин* (В. Шукшин, «Калина Красная»). В праздности нет рождения, однако есть «именины» и именитость. Имя собственное в отличие от названия – категория «праздная» (духовная), в которой нет ни грамма вещества.

Все характеристики пространства имеют отношение к основной функции языка – коммуникативной. Функционально-коммуникативное семантическое пространство языка противоречит статусно-ролевому культурно-идеологическому полю вербального дела и речевой деятельности. Без указанного противоречия не было бы культурного роста и идейного развития – как Света без тьмы, Сущего без не-сущего. Культура несет Крест всего, что ею не является и от чего она отрещивается как от своего антипода. Знамение культуры называется «Анти».

Культура локализуется между всего иного. Идеологическое же «быть» пребывает среди другого. «Быть» – для античности, значит находиться среди прочих вещей. А они существуют, опираясь друг на друга и складываясь в грандиозное здание вселенной. Личность всего одна из таких вещей, погруженных, по словам Данте, в «великое море бытия» [15, с. 216]. То, среди чего находится человек, и есть его культурная среда – Родина. Ее человек не выбирает. Выбор знаменует предательство человеческой сущности. Культуре известен только поиск.

Культура проявляется незаметно, робко («как бы»). Все замеченное идет в разрез с этической культурой и воспитанием: – *Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-нибудь*, – сказал Белокуров (А.П. Чехов, Дом с мезонином).

Применительно к языку культура проявляется в говорении (говоре). Говорящие между собой отмечают позитив («как»), хвалят его и в то же время замечают лишенный

культуры негатив («чернуху»), хулят ее. Хуление как антипод культуры составляет необходимое обстоятельство для укрепления самости культуры. Разговор не то, что говор. В разговоре человек другой. Разговаривают друг с другом. В разговоре нет собирательности (и соборности) – присутствует раздельность. Два человека разговаривают, а двое – говорят. Разговаривающие не едины, но «раздельны и половинны». Они имеют общее коммуникативное пространство. Общее их сближает, однако не роднит. Когда же они говорят между собой, то оказываются в поле притяжения или отталкивания – в культурном «междусобойчике» (но пока еще не пребывают в коллективном корпоративе).

У культуры есть только одно место. Дескриптивно оно называется *Поле*, цитатно – «Здесь». Пустое (общее) место, где теряется человеческое обличье (подобие) – место «не-здесь». Нездешний (дикий) мир, враждебный культуре, бесцеремонно (по-хамски) посягает на ее святость. У человека есть дилемма – продаться врагу, получить за это свои «серебряники» и попасть в невольное состояние или же спастись, – найдя волю в себе волю, не выходя за пределы имманентного (здешнего) мира. Выход знаменует «выход в люди» и обретение свободы, сопряженной с ответственностью. Культура – собирательная, идеология – соборная.

На сознательном уровне мифическое и страстно желанное большинством место «там» называется *утопией* (от греч. *и* – «не» и *topos* – «место»). Оно привлекательно, т.к. идеально устроено. В нем есть равное, однако нет подобного. В этом месте человек может горделиво считать себя богоравным и забывать при этом, что он существо богоподобное. Там у человека бывает положение. Там нет личности «Я», но присутствуют «значительные лица» – обремененные своей значимостью и пошлостью чиновники.

Казалось бы, нет ничего проще, чем находиться «здесь». Однако на поверку оказывается, что гамлетовский вопрос («*быть или не быть?*») есть вопрос проблемный. Для большинства он не снят. Большинство выбирает, место которого нет, т.е. утопическое небытие. Большинство не хочет рисковать. Быть – дело рискованное. У того, кто «здесь», а не «там», нет алиби. Быть – значит не иметь алиби (лат. *alibi* дословно означает «в другом месте»). Чтобы иметь алиби, надо присутствовать в другом месте. Здесь никто не может подтвердить алиби. Здесь люди заинтересованные (*одним миром маза-ны*). Подтвердить алиби может только другой. Однако другие в своем большинстве – это люди посторонние.

3. Языковая рефлексия и потенция слова

3.1. Сравним два глагола: *хватать* и *ловить*. Культурную позитивную релевантность обнаруживает глагол *ловить*. Глагол *хватать* обозначает целесообразное результативное действие, направленное на предмет.

Известно, что одним из первых безусловных рефлексов у новорожденного является хватательный рефлекс. Этот рефлекс направлен на достижение определенного результата. *Хватка* – это действия того, кто не отступит, пока не добьется своего. Междометие в функции сказуемого *хватать* употребляется для обозначения быстрого действия (*Хватать за волосы*). *Хватать на лету* – быстро усваивать. Однако *усваивать* не то, что *впитывать*. С питательной средой (полем) глагол *хватать* не связан.

Вне культурного поля основной причиной всякого движения и прогресса является *нехватка* чего-либо. Каждый хочет что-то иметь. Каждому может чего-то не хватать².

² Об этом в песни «Вечное движение» (поет Л. Лещенко): «А мне всегда чего-то не хватает, Зимой – лета, зимой – лета, зимой – лета, Осенью – весны».

Нескончаемыми потребностями обусловлены желания и страсти. Однако тому, кто не «каждый» в них нужды нет. В поле культуры безличное «надо», сменяется адресатным («нужно»). На поверку оказывается, что «надо» может быть или не быть, однако в нем не нуждаются. Бытие не знает потребностей; в нем управляет свободный от ограничений закон и правит добрая воля. Они проявляются в преодолении нужды и борьбе с природной необходимостью.

За глаголом *ловить* стоит реальность промысла. Этот глагол моделирует ситуацию (например, ситуацию рыбной ловли, охоты). Существенно то, что глагол *ловить* не обозначает действие, но называет процесс (ход). В нем доминирует не предметное «что» (*что ловить*), а процессуальное («ходовое») «как»; существенно то, *как ловить*. В позитивном «как» находится качество промысла, его технология и культура.

Антиподным по смыслу глаголу *ловить* является просторечный глагол *цапать* (*цапнуть*): *Коришун утенка цапнул, цапал*. Этот глагол обладает негативным смыслом: *цапнуть* – «зацепить», «поцарапать»: *Репейник цапает одежду. Вещи поцапались при перевозке*, т.е. поцарапались; *зацапанные вещи; стол весь поцапан, исцапан; цапина, цапинка, царапина, сапина* – ссадина (Даль). Рассматриваемый глагол известен также в области земледелия: *цапать грядки* (яросл.) *обрабатывать цапкою, киркой* (ср.: *тяпать грядки; тяпка*). костр. *цапела, чапела*, зап. твер. *цапельник (чапельник)* твер.-ржев. *цапальник влад* (Даль); ср.: рус. *цапля*, бел. *чапля* – болотная птица *чапура*; рус. *цеплять* – бел. *чапляць; зачапіць, чапаць* и др.

Цапкость – негативное («злое») качество. Выражением бел. *цапу-лапу* замечается стихийность и некачественность («абы як») бел.: *Спярыша сядзіць рукі склаўшы, а пасля ўжо цапу – лапу. Цапу-лапу – і сабралася. Бял. р., Кл. (Матэр. для сл.). Ты ж усё (заўсёды) так – цапу-лапу робіш. Хіба так што зробіш добра? Збіраецца – цапу-лапу. Што забудзе, што згубіць. Гл. р., Кл. (Ф. Янкоўскі, Беларуская фразеалогія. Фразеалагізмы, іх значэнне, ужыванне). У Даля: «Цап, цап-царап, однократное действие. Цап деньги со стола! Цап в карман – ан пусто! Цап его за ворот; цап его в ухо».*

Всякие промыслы («ловы») осуществляются в локусе – будь то поле, водоем, лес; отсюда бел. *паляваць, паляванне, паляўнічы; Кот палюе (прамышляе) мышэй; пол. myszliwiec*. Глагол *ловить*, как и другие «промысловые» глаголы, валентен на область (локус): где *ловить*, где *искать*, где *охотиться*. Действие по глаголу *хватать* подобной валентностью не обладает (не «где хватать», а, скорей, – *за что схватить*).

Различие *хватать* и *ловить* есть различие между прагматическим полем культуры и семантическим пространством не-культуры, между пониманием и знанием. Когда кто-нибудь занимается ловлей, то в итоге он поймает или не поймает. Итог – не результат, но улов, находка, сбор и т.п. Глагол *понять* в буквальном смысле *поймать* (*поймать; поимка*). В современном русском языке утрачен глагол *ять* (праслав. **ǰьтq: jęti*); ср. др.-русск., *възѣати, възъмѣ*. Отсюда *взять, снять, изъять* и другие приставочные глаголы на *-нять/-ять (-емлю)*.

Существенно то, что глагол *взять* обладает валентностью на самость. *Взять* способен (или не способен) кто-то *Сам*. Дает же Другой. Личностно ориентированный мир культуры не предусматривает и не допускает производственного «дать» и другого. Одним из заблуждений современного русского языка является выражение *дать понять*. Глагол *дать* соотносится с глаголом *брать* (ср.: *дают – бери*); *взять* же человека способен сам, уловив подходящий момент. Все, что не дается и не передается, – улавливается.

Культура открывается как особый тип бытия людей, свободного от человеческой рефлексии. Открытие свободы в мире природной и всякой иной необходимости и стало поводом обретения культуры – органической среды обитания, где индивид ощущает волю и свободу. Индивид свободен настолько, насколько он освободился от всего, что является случайным и преходящим. Это «всё» называется имуществом.

К числу имущества не принадлежат вещи. Вещи есть («Есть вещи...»). Мир вещей – мир материальной культуры. Вещь непредметна, вещь – не «что». К вещам применяется позитивное «как». Об имуществе спрашивают «Что это такое?» и дают определение в виде знака. Вещь не определяется, но становится нам известной благодаря имени (именная вещь) или ярлыку-дескрипции (индивидуальная вещь). Вещи как принадлежность бытия мы не определяем, но помечаем. К вещи ставим вопрос: «Как называется?». Пометка как аналог названия и архетип имени допустима только на собственном поле. Имущество поработает человека. Он делается богатым и многое может. Однако при этом для него перестает актуальным быть вопрос состояния и состоятельности.

Переходя в мир болезненной рефлексии, индивид перебрасывает себя за горизонт актуальности – из субъективной области «здесь» в объектную сферу «там». Он перестает *зреть* (смотреть), зато начинает *видеть*, перестает *слушать*, но начинает *слышать*. Голос «гнезда» культуры для него умолкает, привлекает шум цивилизованного города. Тишина становится звенящей. Он выброшен из собственной культурной среды (поля) в мир внешний, словно рыба из воды. Он попадает в возможный мир – мир человеческих желаний и ожидания их исполнения, в котором нет места упованию и чаяниям. Этот мир не причастен к бытию – его нет. Он утопия.

Стоит поменять предметное «что» на позитивное «как», и сразу же оказываемся в феноменальном поле культуры. И сразу языкознание становится реальным. И уже нет образования, но есть просвещение. И уже нет знаний, умений и навыков – есть грамотность и компетентность. Нет производства и потребления – есть промысел и предпринимательство. Большинство живет в мире, которого нет. Мы пытаемся жить в мире, которого на самом деле не существует, мире, «который устроен так, в котором я знаю, что будет, или я ожидаю, что если я сделаю то-то, то будет то-то и то-то». В мире ожиданий. Но реальность – иная, и не согласуется с нашими желаниями. Если мы пытаемся ее не замечать, она врывается в привычную жизнь. И никуда от неё деться, потому что она есть [1, с. 78].

Человеку привыкать к чуждому ему миру, подменяя обычаи культуры полезными или вредными привычками. Вместо контакта с подобной ему средой, он выбирает общение со своим окружением. Его знак круг – знак вечного движения. Он изменяется, превращается в другого, и с ним перестают происходить перемены. Его уже ничего не касается, однако ко многому он имеет отношение. Ему ничего не интересно, однако ко многому он относится со вниманием и считать для себя важным. Он перестает вдыхать свежий аромат воли, его начинают волновать запахи этого мира. Человек теряет причастность к бытию – ощущение «Азъ есмь». Он не пребывает, но только присутствует в этом ограниченном условностями и обращенном вовне мире. Культура понимает такую трансформацию как оборотничество. Современный человек привык к собственной «выверности наизнанку».

Миссия культуры спасительная. Влияние людей, обладающих в культуре уровнем и рангом, непременно освободительное. Ибо столь велика их собственная свобода,

столько аккумулярована в них внутренняя энергия, что соприкосновение с ними заряжает тех, в ком жизненные силы угасают, а энергия бытия на исходе.

«Не имейте, но будьте!» (Ян Павел II) – главный лозунг бытия и неотъемлемого от бытия дела культуры и идеологической деятельности.

Заклучение

Исследование языка в контексте жизни не обходится без концепта поля. Концепт поля вносит в гуманитарные науки фундаментальную парадигму исследования культуры человека. При полевом подходе не выясняется, каким образом что-то существует, однако актуализируется жизненный вопрос, как человек укоренен и моделирует себя в реальности. Идея класса ставит вопрос о том, как люди вписаны в мир и позиционируют себя в нем.

Непонимание модусов укоренения человеческих индивидов в реальность жизни и способов вписания личности в мир приводит к симуляции – означиванию того, что должно быть названо, и спекуляции – привнесение в номинальное (символическое) феноменов реальности. В результате человек оказывается отчужденным от культурной среды и потерянным «в этом падшем мире», а люди не обретают способов личного совершенствования. Симмулятивные акции и спекулятивные акты не могут не проявиться в базовой культурной институции и главном идеологическом институте – языке.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Складенко, Е. Мераб Мамардашвили за 90 минут / Е. Складенко. – М. – СПб., 2006.
2. Булюбаш, И. Д. Руководство по гештальт-терапии / И. Д. Булюбаш. – М., 2004.
3. Вянок беларускіх народных песен / Запіс У. Раговіча. – Минск, 1988.
4. Новейший философский словарь. – Минск, 2003.
5. Замдеева, З. Н. К вопросу о языковой культуре и путях ее сохранения // Котляревские чтения – 2013: актуальные вопросы развития филологической культуры в современной России и методики преподавания филологических дисциплин : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. 12 нояб. 2013 г. / гл. ред. М. П. Нечаев. – Чебоксары : Эксперт.-метод. центр, 2013. – С. 51–54.
6. Федоров, Н. Ф. Философия общего дела : в 2 т. / Н. Ф. Федоров. – М., 2003.
7. Гумбольдт, В. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человечества / В. Гумбольдт. – СПб., 1859.
8. Лосев, А. Бытие. Имя. Космос / А. Лосев. – М., 1993.
9. Герцен, А. И. Греческая философия / А. И. Герцен // Изб. филос. произведения ; под ред. Е. Любомиловой. – Л., 1948. – Т. 1.
10. Кохан, Е. Есть ли место философии в деятельности учителя? / Е. Кохан // Учитель наедине с собой. – СПб., 2014.
11. Rickert, H. Człowiek i kultura / H. Rickert // Antropologia kultury. Część 1 : Zagadnienia i wybór tekstów. – Warszawa, 2001.
12. Серл, Дж. Что такое институт / Дж. Серл // Вопр. экономики. – 2007. – № 8. – С. 5–27.
13. Высоцкий, В. С. Я не люблю... / В. С. Высоцкий // Песни, стихотворения. – М., 1998.

14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/p/prostranstvo.html>. – Дата доступа: 12.01.2015.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Эстетика. Философия. Культура / Х. Ортега-и-Гассет. – М., 1991.
16. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mowaznaustwa.ru/2011/10/15/f-yankoyski-belaruskaya-frazealogiya-frazealogizmy-ix-znachenne-uzhyvanne-22/>. – Дата доступа: 12.03.2015.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.10.2015

Siankevich V.I. Concept of Margin and Communicative Space of Language

The definition of language, as a semiotic system and the most important communicative mean, does not reveal its humanity and person-centered nature. Indigenously language plays the role of a base cultural institution, and then acquires the status of a central ideological institution. The institutional language approach opens the prospect of studying its essence in two contexts – an extensional (life) and an intensional (ideological). A life-giving ethical word is in dichotomy with the power of an emic name in essence. The pointed out dichotomy stands for the basics of language as the instrument of thinking and the method of ideological formation of its native speakers. The language of «common spaces» plays no role in the humanization of natural world and does not contribute to the formation and development of personality.